

Победа. 1945-1967

Фрагмент фрески в фойе второго этажа. Художник О. П. Филатчев. 1978

К приему студентов в победном 1945-м готовились пять факультетов. Среди абитуриентов было много демобилизованных, вернулись и старшекурсники-фронтови-

ки. Всего студентами стали 80 участников Великой Отечественной войны.

О возвращении в институт вспоминает Н. Громович, впоследствии старший геолог ВИМСа, известный геолог-нефтяник: «После демобилизации вернулась в родной институт, где меня, как и всех фронтовиков, очень тепло встретили и зачислили на 4-й курс. Правда, вскоре выяснилось, что мне надо досдать девять экзаменов и зачетов... И вот тут меня стал опекать Василий Павлович, вызывая и проверяя, что я сдала. В конце года, когда я сдала последний экзамен, ребята встретили меня громким «ура!», – ведь своими долгами я тащила назад всю группу по успеваемости».*

Для восстановления народного хозяйства требовалась новая армия – армия инженеров. Громадная ответ-

Студенческий билет Б. К. Прошлякова. 1945

* Громович Н.: Воспоминания...

На стр.

Профессор Л. В. Пустовалов выступает на всесоюзном литологическом совещании

Кафедра петрографии осадочных пород. Слева направо сидят: Н. В. Пушкарева, Т. В. Корсакова, Л. В. Пустовалов, В. П. Флоренский, Б. В. Бальшина; стоят: В. С. Князев, Т. А. Лапинская, Н. А. Михайлова, А. Н. Лопиков, М. А. Капина. 1950

В. П. Флоренский со студентами групп 49-НФ-3 и 4. На переднем плане В. Рогожин, за ним Ф. Федотов и Г. Путинцев и другие. Кавказ, Военно-Грузинская дорога, 1950. (ЗКН, 18.04.1966, 314 (339))

Н. Громович после демобилизации. 1945 г.

ственность легла на дирекцию, учебную часть, деканов, деканаты и преподавателей. Институт работал допоздна: собрания, заседания... Деканом геологоразведочного факультета оставался В. П. Флоренский. На кафедре снова открылся геологический музей, восстановилась практика студентов по Военно-Грузинской дороге, которую с 1947 по 1953 г. он бес-
сменно вел.

Весной 1947 г. состоялась первая научная студенческая конференция. Среди участников с геологоразведочного факультета был отмечен доклад в кружке по геологии студента Шугрина «Метод исследования природного резервуара с помощью карты изобар» (руководитель профессор М. М. Чарыгин). Впоследствии В. П. Шугрин был у студентов любимым деканом факультета.

Е.В. Гординский после демобилизации. 1945.

В 1947/48 учебном году 12 студенческих научных кружков объединяли более 100 студентов. Их руководителями были профессора и доценты: Н. И. Белоконов, С. В. Владиславлев, Г. М. Григорян, Ф. Ф. Дунаев, А. И. Скобло, А. С. Смирнов, Г. М. Панченков, В. П. Флоренский, Н. И. Шацов, В. Н. Щелкачев и др. Студенты геологического факультета стали инициаторами конкурса по созданию коллекций минералов. За лучшие коллекции были установлены премии в 500, 1000 и 1500 руб. А по решению жюри, утвержденному директором института, участников премировали промтоварами и литературой.

Научные исследования вели две трети профессоров и преподавателей, работали над 92-мя темами, в т. ч. 55-ю хоздоговорными и 37-ю госбюджетными. 13 преподавателей и сотрудников защитили кандидатские диссертации. Вместе с ростом научного потенциала института росло и число вовлеченных в научную работу студентов: 340 человек занимались в 16-ти научных студенческих кружках. В начале 1949 г. студенческое научное общество (СНО) реорганизовали в студенческое научно-техническое общество (СНТО). В феврале 1949 г. организационная конференция избрала совет общества, его предсе-

А.И.Летавин после демобилизации. 1945.

Колонна МНИ им. И.М.Губкина на Первомайской демонстрации 1949 г.

Первая послевоенная практика на Военно-Грузинской дороге. У нарзанных источников под Крестовым перевалом, лето 1947 г.

Послевоенные годы ознаменовались в науке и во всей общественной жизни страны серией дискуссий. Проблема научных споров – одна из основных тем науковедения, которой и в наши дни посвящаются обширные исследования, международные съезды и симпозиумы. Но по отношению к идеологизированной атмосфере в стране, начиная с конца 20-х годов, правильнее говорить об идеологических кампаниях, которые нередко завершались репрессиями по отношению к тем, чье мнение в данный момент считалось ошибочным. Везде искали врагов. Достаточно сказать, что и В. И. Вернадский проходил как лидер ряда антисоветских заговоров, в которых пострадали его ученики. А самой известной стала развернутая Т. Д. Лысенко дискуссия о генетике и лично против Н. И. Вавилова, который к этому времени уже погиб в Куйбышевской тюрьме. В геологии репрессии обрушились на Ленинградскую школу учения о полезных ископаемых и горизонтальных перемещениях земной коры, которые до начала 60-х годов у нас в стране «были запрещены».

Валентин Иванович Браташ

Пример содержательной дискуссии в геологии – Первое Всесоюзное литологическое совещание в Москве (1952 г.). Наряду со специальными вопросами теории в литологии там был поставлен ряд глубоких методологических проблем, которые затем обсуждались в литературе на протяжении десятилетий. С инициативой созыва совещания выступил в 1947 г., в период разгромных дел, отдел петрографии осадочных пород Института геологических

дателем стал директор института А. Г. Сердий.

В 1950/51 учебном году в 22-х кружках состояло около 400 студентов. На конференции было прочитано 30 докладов, а А. Карцев (геологический факультет) приказом Министра высшего образования СССР отмечен почетной грамотой.

Предметом постоянных забот В. П. Флоренского оставался «Петрограф», а беседы во время организованных им подмосковных экскурсий будили мысль, вселяли желание глубже вникать в геологические проблемы.

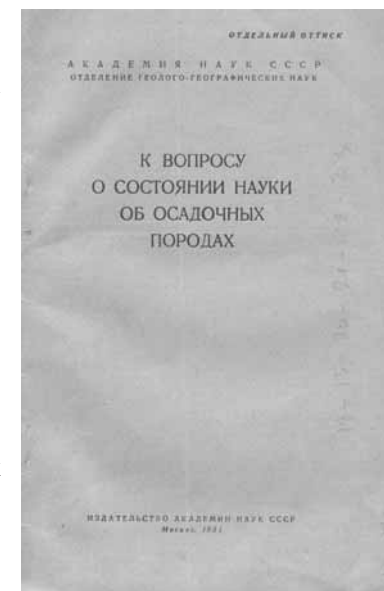
наук АН СССР, руководимый заведующим кафедрой петрографии осадочных пород Л. В. Пустоваловым. Поскольку в центре совещания стояла острая дискуссия двух лидеров литологической науки – Л. В. Пустовалова и Н. М. Страхова, в геологическом фольклоре она получила название «пустострахи». Преподаватели и аспиранты кафедры петрографии осадочных пород активно участвовали в заседаниях, выступали с докладами, помогали в организационных делах. Решения совещания во многом определили судьбу кафедры и её сотрудников.

Инициатива Л. В. Пустовалова была одобрена и поддержана Отделением геолого-географических наук АН СССР, который возглавлял академик Д. С. Белянкин, бывший также директором Института геологических наук АН СССР. Позже он не раз представлял в сборник «Доклады АН СССР» статьи сотрудников кафедры по фундаменту Волго-Уральской области, которые высоко оценивал. Д. С. Белянкин понимал опасность последствий дискуссии в идеологизированной обстановке послевоенных лет, поэтому дирекция и партком ИГН АН СССР приняли решение о тщательной подготовке совещания. Был создан оргкомитет, председателем стал Л. В. Пустовалов, подготовивший проект проблемного доклада, а также реферат «О путях подхода к изучению и задачам исследования пород и полезных ископаемых». В оргкомитет вошли Ю. А. Жемчужников, Н. М. Страхов, В. П. Флоренский и В. С. Яблоков. Работа по подготовке совещания заняла почти пять лет.

Оргкомитет сумел добиться заблаговременной публикации дискуссионных докладов и основных запланированных сообщений. За это время наука доказала свою необходимость испытанием атомной бомбы в Семипалатинске в 1949 г. Развернулись массовые поиски урана, сосредоточенного в осадочных породах. Время было выиграно. Существуют противоречивые оценки роли этого совещания. Безусловно, дискуссия, проходившая после разгромных кампаний в советской науке, несла на себе отпечаток времени, но была плодотворна и не повлекла каких-либо репрессий в отношении участвовавших в ней ученых.

Ещё при подготовке совещания определилось размежевание двух направлений в литологии, выросших из одной лаборатории ИГН АН СССР – теории осадочной дифференциации Л. В. Пустовалова и теории

Академик Дмитрий Степанович Белянкин. 1960-е годы. Рисунок Д. А. Островского

Оттиск доклада, изданного к Всесоюзному литологическому совещанию 1952 г.

типов литогенеза Н. М. Страхова. На совещании между ними разгорелась острейшая полемика, но, в отличие от дискуссии о генетике ВАСХНИЛ, это была действительно научная дискуссия, в которой стороны пользовались научной аргументацией.

Сотрудники кафедры отстаивали идеи осадочной дифференциации Л. В. Пустовалова, хотя и пытались как-то сгладить, примирить противостояние двух направлений, несколько смягчить категоричность позиции своего наставника. Так, в статье В. П. Флоренского и Т. А. Лапинской, опубликованной в ходе дискуссии, отмечалось: «Мы считаем, что само наличие дифференциации во время осадконакопления не вызывает сомнений; об этом говорит достаточно большое количество наблюдений. Однако из этого не следует, что осадочная дифференциация, как механическая, так и химическая, может считаться полностью изученной и не требующей дальнейшего исследования. Наоборот, именно к области изучения дифференциации должна относиться значительная часть работ. Особенно большого внимания заслуживает изучение химической дифференциации, так как именно здесь остается значительное количество открытых и спорных вопросов, требующих своего разрешения»*.

Они подчеркивали, что прежде всего необходимо изучать осадочные породы и образующие их парагенезисы как критерии их происхождения, поэтому оспаривали общую методологическую установку Н. М. Страхова на преувеличение значения результатов изучения литогенеза в современных бассейнах, полагая, что сторонники теории типов литогенеза недостаточно учитывают кардинальные различия разновозрастных бассейнов осадкообразования, постседиментационные преобразования пород.

Спустя полвека, очевидно, что тогда наука и собранный фактический материал еще не были готовы к решению спорных вопросов. Теперь общепринят один из основных обсуждаемых тогда тезисов Л. В. Пустовалова о важнейшей роли дифференциации осадочного вещества. Но на заседании, посвященном столетию со дня рождения Н. М. Страхова, этот тезис, подвергавшийся его нападкам, был ему и приписан.

Идеи Л. В. Пустовалова о перио-

Полевой дневник Л. В. Пустовалова. Вид на агрианайскую долину и конус выноса у монастыря с. Кахи. Музей кафедры литологии им. Л. В. Пустовалова.

Полевой дневник Л. В. Пустовалова 1947 г. Музей кафедры литологии им. Л. В. Пустовалова.

дичности осадконакопления получили новый импульс на водоразделе с астрономией сначала в астрогеологическом направлении в геологии, созданном Б. Л. Личковым, учеником В. И. Вернадского, а позже ставшего общепринятым. Однако прав был и Страхов, предвидя ведущую роль в осадконакоплении биогенных процессов, в чем он следовал идеям Вернадского. Время показало правоту сторонников Н. М. Страхова в том, что осадкообразование по-разному проходит в разных типах литогенеза, изученных в современных процессах, то есть на принципах актуализма, но доказана и эволюция этих типов, то есть ограниченность принципа актуализма. Примирение с оппонентом звучало со страниц трехтомной монографии Н. М. Страхова, вышедшей в начале 60-х годов.

В результате совещания был сформулирован ряд направлений развития науки, принято решение об организации при Академии наук СССР Комитета по осадочным породам из представителей геологических учреждений и вузов, который и был создан в 1956 г. Первым его председателем был избран Л. В. Пустовалов, ученым секретарем – Т. А. Лапинская. Всесоюзные литологические совещания стали проводиться систематически, а Литологический комитет стал организацией, направляющей и координирующей работу литологов нашей страны. Была создана комиссия по осадочным породам (ныне Междуведомственный литологический комитет АН СССР) и начал издаваться научный журнал «Литология и полезные ископаемые».

В 1956 г. вышел сборник «Вторичные изменения осадочных пород и их геологическое значение», который был подготовлен по инициативе и под руководством Л. В. Пустовалова. Поднятая в нем проблема нашла отражение в работах многих исследователей, в т. ч. сотрудников кафедры, что привело к развитию нового направления в литологии – коллектора на больших глубинах.

В. П. Флоренский со студентами. Кавказ, Военно-Грузинская дорога, 1948 г.

*Лапинская Т. А., Флоренский В. П. О некоторых вопросах теории осадкообразования // К вопросу о состоянии науки об осадочных породах. М.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 90.

В литологическом отряде В.И.Данчева, Северная Фергана, 1949 г. Слева направо: Б.К.Прошляков, Л.В.Пустовалов, А.Д.Шокорова, Н.Г.Бродская.

работников геологической службы. Истощение запасов многих месторождений минерального сырья, интенсивно разрабатывавшихся в годы войны, необходимость восстановления городов, заводов, железных дорог, нужды оборонной промышленности – все требовало интенсивной работы геологов, число которых за годы войны значительно уменьшилось. Поэтому были увеличены приемы на геологические специальности, а

сама подготовка геологов значительно расширена, чтобы они могли работать на поисках широкого спектра минерального сырья. Перед геологической наукой была поставлена задача обеспечить собственным сырьем атомную промышленность. Поскольку основные запасы урана сосредоточены в осадочных породах, многие литологи сосредоточились на них. В учебные планы специальности 0103 были введены новые курсы: «Основы геохимии», «Месторождения полезных ископаемых», «Ядерная геология и радиометрическая разведка». Геологические партии ориентировались на попутные поиски радиоактивных материалов. Принципиально изменилась не только направленность производственных работ, но и тематика фундаментальных исследований.

Однако В. П. Флоренский после дискуссии с начала 50-х годов резко изменил тематику своих исследований и прервал занятия литологией, поставив на кафедре тему изучения метаморфических пород фундамента. Она и поныне остается главной её темой. Можно гадать о внутренних побуждениях, но об одной из причин сохранилось глухое семейное предание, о котором можно рассказать в связи с бескровным завершением дискуссии об осадочных породах. К В. П. Флоренскому тоже

Дискуссия внесла позитивный вклад в развитие не только литологии, но этических и методологических проблем геологии и истории науки. Геологическая общественность продемонстрировала свою моральную состоятельность и способность обсуждать научные проблемы, не завершая спор разгромом одной из сторон. А сотрудники кафедры остались верны своему учителю в ответственное время.

Послевоенные годы ознаменовались небывалым ростом авторитета

Т.А. Лапинская с дипломниками. Северная Фергана. 1950

Студент И.М. Варенцов – староста кружка в конце сороковых годов.

обратились за консультацией по вопросу об урановом сырье, и он дал важный прогноз, но... участвовать в урановой программе отказался. Позже семье он объяснил: «Я боюсь судьбы отца». Он никогда не забывал ночь с 25 на 26 февраля 1933 г. Его отец тоже, в одних случаях по внутренним побуждениям, в других – по внешним обстоятельствам кардинально менял тематику исследований, бросая наработанное и начиная новое на пустом месте. Свойство бросать темы из-за возникавшей опасности или просто из-за нежелания попасть в «дискуссию», передалось от Василия Павловича и его детям.

С конца 40-х годов В. П. Флоренский целиком посвятил себя абсолютно новому тогда объекту геологических исследований – изучению глубокопогруженного кристаллического фундамента Русской платформы. Тема, как казалось и тогда, и спустя десятилетие, не была связана с проблемами нефтяной геологии, и в отчетах большое место занимало ее обоснование. Непонимание она вызывала и как тема докторской диссертации, которую В. П. Флоренский так и не завершил. Точно также, спустя 30-40 лет, вызывало раздражение применение космической информации для изучения глубинного строения нефтегазоносных территорий. Проблематикой сос-

Студенты-геологи гр.НГ-51-2:Слева направо, нижний ряд: Г. Миряев, М. Ермолин, В.П. Флоренский, М.М. Чарыгин, Л. Смирнова, Н.Толстой; второй ряд: Т. Алиев, Л.Данилова, Л.Милодорова, В. Ажеганова, А. Магомедов; третий ряд: М. Ибрагимов, В. Тихомиров, В. Немцов, Л. Рослович, Э. Волков, Н.Садыков, М. Ованесов, В. Лapidус; четвертый ряд: Ю.Захаров, В.Лихолатников, О. Перегудов. май 1953 г.

тава пород фундамента платформы В. П. Флоренский заинтересовался еще в 1940 г., когда на кафедру петрографии осадочных пород была передана часть уникального керна Боевской (Московской) скважины, достигшей фундамента.

Впрочем, о метаморфическом (из осадочных пород) происхождении, например, гранитов, писал с Соловков П. А. Флоренский, промыслительно обращаясь именно к сыну Василию в письме от 21 июня 1935 г.:

«Мамочка прислала мне сюда книгу Вернадского о радиогеологии. Прочитал ее пока начерно. Т.к. я давно вдумывался в обсуждаемые им вопросы, то не могу сказать, чтобы узнал из этой книги много нового для себя. Но в целом она произвела на меня очень приятное впечатление, т. к. отдельные моменты радиогеологии давно было необходимо изложить в целостной картине.

Кроме того, мне весьма близко (и давно мною высказывалось) отрицательное отношение к спекуляции геологов на канто-лапласовской гипотезе и многочисленных ее вариантах более нового времени, к ссылкам на высокую температуру земного ядра и другим связанным с этим циклом фантазий, не только не обоснованных, но и решительно противоречащих данным физики и астрономии. Конкретно-эмпирическое направление Вернадского мне так близко, что я лишен возможности достаточно оценить его и мне все кажется, что не сказано ничего нового, ибо все это мною многократно передумано в течение десятков лет.

Но один момент был для меня нов, это сведения о тухолите и его группе, мало того, что нов, но и весьма радостен. Ведь эта группа минералов еще раз под-

В. П. Флоренский в гранитном карьере. Украина. Август 1954 года. Фото С. Б. Вагина

тверждает не магматическое происхождение гранитов – позиция, на которой я давно стою и в которой уверен. Не буду касаться ряда общих оснований, а приведу одно, более конкретное. Вот оно. Нет никаких принципиальных различий между гранитами и гнейсами, связанными между собою промежуточными переходными текстурами. Генетическая разница всецело объяс-

П. В. Флоренский, Т. А. Лапинская и В. П. Флоренский на берегу р. Тетерев, Украина. Август 1954 г. Фото С. Б. Вагина.

Учебный лаборант военной кафедры Ефимцев. Фотография 1942 г., Северо-западный фронт. В день получения партбилета.

няется различием всестороннего давления (граниты) и одностороннего (гнейсы), при котором все листоватые форменные элементы должны расположиться своими плоскостями нормально к осям давлений.

Теперь: гнейсы весьма часто содержат графит – очевидный продукт органических остатков. След<овательно>, гнейсы осадочные сильно метаморфизированные породы. Но не участвовала ли при их метаморфизме высокая температура? Нет, ибо слюды содержат воду, легко теряемую, частично уже до 200°. Кроме того, некоторые гнейсы (Мариупольские, напр<имер>) содержат чешуйчатый графит, для дебаеграммы которого характерны некоторые дифракционные линии, исчезающие при нагреве до 200° или даже ниже (точно не помню) и отсутствующие у графитов примерно того же строения и того же генезиса (напр<имер>, Петровских). Отсюда следует, что t° при генезисе и метаморфозе гнейсов колебалась ок<оло> 100°–200°C, не выше, но образование шло под большим давлением и весьма длительно. А если так в отношении гнейсов, то нет никаких причин подозревать высокую t при образовании гранитов.

Повторяю, на протяжении всей своей истории гнейсы не испытывали высокого нагрева, а потому в таких же условиях могли сложиться и граниты.

Образование слюд выяснено экспериментально: гидротермальное под высоким давлением, при t не выше 200°C, из водных гелей гидрата окиси алюминия и кремнекислоты и в присутствии различных электролитов. Картина ясна. Она поразительно ясна тектонически напр<имер>, на Мариупольском месторождении графита, где гнейсы представляют картину иловых отложений, перевернутых давлением, как тесто, измятых и спутанных. Группа тухолита подтверждает, что и граниты содержали органические остатки, далее метаморфизированные, причем весьма правдоподобно участие радиоактивных явлений. Что же до содержания в тухолите редких земель и проч., то это опять ясное указание на специфичность организмов, ассимилировавших себе дисперсные элементы, ибо нахождение в одном месте сконцентрированного элемента, вообще дисперсного и малораспространенного, согласно 2-му принципу термодинамики (в расширенной трактовке), есть всегда прямое указание на энтропический процесс, преодолевший энтропию материи, т. е. на деятельность жизни».

К изучению фундамента привлекаются Т. А. Лапинская, а затем В. С. Князев, А. М. Чарыгин, позже Е. Г. Журавлев, И. Б. Кононова, С. В. Богданова, А. В. Постников, Л. П. Попова и другие сотрудники кафедры, ставшей пионером систематического исследования глубокопогруженного кристаллического фундамента нефтегазоносных областей. Оно становится традиционным для коллектива кафедры. Впоследствии исследования охватывают и другие нефтегазоносные платформы страны: Скифскую, Туранскую, Западно-Сибирскую и Восточно-Сибирскую. Работы, начатые в 1946 г., привели к созданию школы комплексного изучения фун-

Группа НГ-54-1 по окончании института. Весна 1959 г.

даментов нефтегазоносных территорий. В результате многолетних трудов на кафедре накоплен обильный керновый материал по нескольким тысячам скважин, в т. ч. уникальным, прошедшим по фундаменту более 2-3 км, а затем результаты исследований этого керна. Сейчас фундаменты практически всех крупных нефтегазоносных территорий СССР охвачены исследованиями сотрудников кафедры.

В начале 50-х годов чувства народа-победителя не покидали страну. Военные были кумирами, у женщин модными стали платья с высокими плечиками, а в гражданских учреждениях вводили форму, в т. ч. горнякам и геологам. Сначала ее удостоился только Геологоразведочный факультет, тогда Промысловый переименовали в Горнопромысловый, и уже студенты 2-х факультетов щеголяли в форме с замысловатыми вензелями МНИ. Преподаватели тоже приобрели чины и форму. Декан геологоразведочного факультета М. М. Чарыгин носил генеральские петлицы с большой звездой, а В. П. Флоренскому присвоили звание горного директора первого ранга (приказ Миннефти № 23/Зв от 31 мая 1951 г.), что приравнивалось к чину полковника, и петлицы его были с двумя просветами и четырьмя звездами. В условиях тотальной бедности студенты и преподаватели в форме выглядели шикарно. Но больше всего формой гордились, конечно, студенты.

Не могу не написать и о своих первых впечатлениях в институте:

1 сентября я вошел в институт уже как студент. Учился в группе НГ-54-1*. Кроме

Группа НГ-54-1. Весна 1994 г.

нас было еще 3 группы геологов и 4 геофизиков.

Два курса – наш и следующий, где учился и мой брат Иван, были удивительно сильными: значительная часть современного преподавательского коллектива института – наши одноклассники. Возможно, что поколение 1937–1938 гг. рождено в годы повышенной солнечной активности. Оно дало шес-

тидесятников – ученых, художников, диссидентов; голосовало за Перестройку, но не сумело предвидеть, что после нее... перестанет быть нужным. Мы стали моральными пенсионерами, еще не дожив до пенсии.

В группе было 35 человек. Бессменный староста – Володя Гомзиков. Ребят и девушек – точно пополам (это теперь на факультете стали преобладать девушки). Естественно, группа распадалась на группки. Но когда умер мой отец (1956 г.), перед практикой 2-го курса группа собрала деньги и купила мне снаряжение. Я так и не знаю, кто был инициатором, и от смущения до сих пор никого не поблагодарил. Мы до сих пор регулярно встречаемся, рады друг другу, готовы помочь. Кого-то потеряли из виду, но и сейчас одними из самых близких мне людей остаются Юра Малиновский (автор синфазной стратиграфии) и его жена Люся Антоненко (работы по Средней Азии и по бокситам), Юра Петров (начальник гигантской поисково-съёмочной экспедиции в Якутии) и его жена Лариса Жабрева (споро-пыльцевой анализ), Олег Супруненко (нефтяник, Камчатка, северные моря, ВНИГРИ), Зина Рысенкова (нефтяник) и другие, теперь уже немногие.

Кроме объединения по, так сказать, административной судьбе, в институте происходило и объединение по интересам. Со школьных времен отец брал меня в поездки со своим «Петрографом». Естественно, стали петрографами и мы с друзьями. Зимой 1954/55 г. мы застали еще время, когда кружком руководил отец. Кроме Ю. Малиновского, Л. Антоненко и О. Супруненко через «Петрограф» я оказался связанным с Володией Работновым (Якутия, нефтяник) и его будущей женой Любой Нарожных (геолог) – оба, к сожалению, чересчур поспешно ушли из жизни, Светланой Черняк (Богдановой) – работала у нас на кафедре по фундаменту Русской платформы, Виталием Кузнецовым (один из ведущих специалистов по карбонатам, с ним и сейчас работаем на одной кафедре).

Лекции нам читали несомненные лидеры в своих областях. Назову некоторых: профессор М. М. Чарыгин (общая геология) – ученик И. М. Губкина и декан нашего

*НГ-54-1 – нефтяники, геологи, набор 1954 г., группа 1.

Василий Павлович Флоренский в избирательной комиссии. 1949 г.

факультета, а ранее и директор института, добрейший человек; профессор М. П. Казаков (историческая геология и геология Союза); профессор Н. Ю. Успенская (учение о нефти, нефтяные провинции мира); профессор, член-корреспондент АН СССР М. Ф. Мирчинк (геология нефти СССР); профессор А. А. Бакиров.

Запомнились также: ученик профессора В. Н. Щелкачева – профессор М. Г. Гусейнзаде (теоретическая механика), Л. А. Рябинкин, В. И. Шрайбман (полевая геофизика), профессор В. Н. Дахнов и доцент М. Г. Латышева (промысловая геофизика), профессор М. А. Жданов и доцент В. А. Долицкий (нефтепромысловая геология), Назаров (физика), Данилов (общая химия), С. Наметкин (органическая химия).

Практику вели всегда внимательные ассистенты, позже ставшие профессорами. По традиции русской высшей школы, нас воспитывало теплое и внимательно-нисходительное отношение учителей, и, как я теперь понимаю, их высокие научная квалификация и моральный уровень. Особенно мы любили народ с двух кафедр, как может показаться, далеких от науки: – кафедрой физкультуры заведовал Гончаров (здесь я познакомился и подружился с Оловянниковым – потомком знаменитого рода поставщиков церковной утвари), военной кафедрой руководил генерал Санков, во время войны занимавшийся поставками горючего для всей армии. Все офицеры – полковники и подполковники – с пестревшей колодками орденов грудью, образованные люди, которые снисходительно подыгрывали нашим ёрничаниям, воспитанным Швейком: добрейший Козлов (строевая подготовка), Трущелев и Пицхелаури – один из первых автомобилистов России (оборудование службы ГСМ) и Нагурский (служба ГСМ тыла).

В институте была сильная комсомольская организация, поддерживавшая активную общественную жизнь. Думаю, были и осведомители: помню, на 1-м курсе у меня пропал чемоданчик, с которым я ходил в институт, а через день нашелся в аудитории – подбросили. Отец объяснил, что это проверка, и очень нервничал: было ли у меня там что-то «такое»? А что могло быть? Я был активен в «Петрографе», остальное как-то не привлекало... Время от времени в

Володя Работнов. 1960. Якутия.

группах появлялись переведенные откуда-то юноши и девушки, они аккуратно ходили на занятия, их принимали в коллектив, но к началу сессии они пропадали.

Первую практику я проходил на Енисейском кряже, в низовьях Ангары на железорудном месторождении Ишиб, около Мотыгино. Руководителем был Николай Иванович Юдин, аспирант Л. В. Пустовалова. Кроме заворачивания образцов и приготовления еды (через день), я охотился, рыбачил, гостил у эвенков. По дороге домой побывал в Красноярске, забирался на главные вершины Красноярских Столбов, привез оттуда образцы сиенитов, описал их и описание опубликовал.

Летом 1955 г. слег отец. Я вернулся с поля, а он в онкологической больнице. Умер 5 апреля 1956 г. – мне не было еще 20 лет. С 1 апреля 1956 г. я поступил на работу в МИНХиГП. На всю жизнь.

В 1954 г. в институт поступило поколение, давшее стране ряд ученых, а институту – научных сотрудников и преподавателей; это был один из самых заметных курсов в истории геологического факультета. Осенью В. П. Флоренский в последний раз съездил с ними в Подмоскowie. Лидером кружка был Володя Работнов, ставший геологом-полевиком, видным исследователем докембрия Восточной Сибири. Сыну ученых были свойственны научно-естественное мышление и способности организатора. Он сумел с первого же курса объединить нас вокруг кафедры: Л. Антоненко,

В. Кузнецов, Ю. Малиновский, Л. Нарожных, Э. Сапрыкин, О. Супруненко, С. Черняк, я и трое китайских студентов – Ло Синчан, Ли Шудзен и Фан Жуйфан. Сразу начался систематический сбор материалов по карбону Подмоскowie, кружковцы обследовали большинство карьеров, описали их. По старым, еще дореволюционным публикациям А. С. Сергеева (ученика В. И. Вернадского) вновь «открыли» месторождение осадочного мелкокристаллического флюорита-

Кавказ, лето 1955 года. В. Работнов, Ю. Малиновский, О. Супруненко, Л. Нарожных.

5 апреля
1956 года

Кафедра петрографии осадочных пород МНИ
за 25 лет.

Петрография осадочных пород ^(-молодая) геологическая дисциплина советского периода. Расцвечивалась лекции по этому предмету впервые стали читаться в Московском Государственном Университете в конце 30-х годов текущего столетия. Но первая кафедра петрографии осадочных пород была организована в 1930 году в Московском нефтяном институте. Сейчас такие кафедры имеются и в других вузах и, вузах Советского Союза. Таким образом, опыт Московского нефтяного института в области организации преподавания петрографии осадочных пород имеет широкое распространение и был использован в других высших учебных заведениях СССР.

В короткой газетной заметке трудно дать сколько-нибудь полный обзор деятельности кафедры за 25 лет её существования. Поэтому здесь приходится ограничиться ~~только~~ рассмотрением лишь главных, наиболее важных сторон её работы.

На протяжении всего времени существования кафедры её основное внимание концентрировалось на следующих узлах вопросов: а) на подборе и подготовке преподавательских и научных кадров, б) на оснащении педагогического процесса кадрами, пособиями, приборами и аппаратурой и в) на оснащении кафедры лабораториями. Постоянная работа

ратовкита в Раточкином овраге под Вереей, где этот минерал был впервые описан. Результаты работ по каменноугольным отложениям были кружковцами опубликованы в одном из студенческих сборников.

О. И. Супруненко рассказывает об этом в письме от 10 октября 1999 г.:

«Когда дождливой осенью очень далекого 1954 г. я, выпускник подмосковной школы, стал студентом группы НГ-54-1 геологоразведочного факультета МНИ, мои знания в геологии были более чем скромны, а навыки полевого геолога (или просто туриста) и вовсе сводились к нулю. Но после первой, а потому и очень тяжелой сессии ко мне подошел однокурсник и второкурсник (из-за сильного диабета) Володя Работнов – ярко-синие глаза, легкой расхлябанность, форма с золотыми вензелями «МНИ» на квадратных погонах (форму отменили как раз в том году). Володя предложил вступить в СНТО и с приходом теплых дней начать геологические экскурсии по Подмосковию. Постепенно я стал полноправным членом группы студентов и даже аспирантов, которая «душевно» тяготела к кафедре петрографии осадочных пород. Основной формой нашего существования (и основой учения) были поездки по карьерам и обнажениям Подмосковию, а в зимние и летние каникулы – дальние геолого-туристические вылазки. Душой нашей деятельности был Володя. В отличие от большинства одноклассников, он уже имел опыт работы в геологическом кружке при Московском университете и участия в серьезных туристических маршрутах (в те годы самостоятельный туризм был поставлен качественно: работал Московский клуб туристов; туристские кружки, в т. ч. в нашем институте, получали денежную поддержку дирекции). Большим достоинством Володи было умение сплотить разношерстную студенческую публику, увлечь ее идеей изучения очередного карьера и в ближайшее воскресенье отправиться в Подмосковию. Сразу же оказалось, что мы не первооткрыватели, а лишь продолжатели традиции кафедры, заложенной В. П. Флоренским. И это повысило в наших глазах престиж увлечения».

Поскольку все члены петрографического кружка считали себя связанными с кафедрой петрографии осадочных пород, естественно, главными для нас были курсы кафедры, а среди них те, что читал заведующий кафедрой – Леонид Васильевич Пустовалов. Приводим немного сокращенный рассказ В. Г. Кузнецова.

«В 50-е годы в учебном плане геологов-нефтяников кафедра петрографии вела четыре дисциплины минералого-петрографического цикла – кристаллография, минералогия, общая петрография и петрография осадочных пород. Л.В. Пустовалов читал две – минералогию и петрографию осадочных пород.

Лекции по минералогии всегда собирали полную аудиторию. По воспоминаниям современников, его лекции посещали не только студенты-геологи, но и геофизики, и, что наиболее примечательно, студенты далеких от геологии специальностей. Нельзя сказать, что Пустовалов обладал необыкновенным ораторским даром. За длинным лабораторным столом, который в аудитории заменял кафедру, стоял невысокий человек и спокойно, без жестикуляции и каких-либо модуляций в голосе, как-то даже монотонно рассказывал. Впечатление было такое, что он именно рассказывал, а не читал учебный систематический курс лекций. Но при некоторой внешней монотонности речь его всегда была грамматически правильной.

Курс этот трудно назвать систематическим, он никак не укладывался в жесткие

рамки формальных требований. Весь семестр обсуждался один минерал – кварц. Леонид Васильевич блестяще использовал полигенетичность кварца, формирование в самых разных условиях, и на примере его рассматривал всю генетическую минералогию, все зоны минералообразования – от магматической до поверхностной, экзогенной. При этом попутно объяснялось понятие парагенеза, рассматривались разнообразные минералы и их ассоциации, но, повторяю, без традиционной характеристики их физических и диагностических свойств. Все лекции постоянно сопровождалось интереснейшими историями о минералах, уникальных экземплярах, истории открытия и т. д. От кварца Пустовалов переходил к другим минералам кремнезема, к окислам и гидроокислам алюминия, а затем к силикатам и алюмосиликатам и завершал курс минералами железа и марганца. Все лекции сопровождалось показом удивительно красивых, хорошо подобранных образцов минералов. И тут нельзя не вспомнить постоянного помощника Леонида Васильевича и многолетнего секретаря кафедры прекрасного знатока минералов Татьяну Владимировну Корсакову, которая любовно готовила и демонстрировала эти коллекции.

Используя студенческую терминологию, можно сказать, что сдавать экзамен по лекциям было нельзя, но обилие интереснейших сведений и необычная форма их изложения собирали полную аудиторию разнообразных по интересам и специальностям, но всегда благодарных слушателей. Если вначале и возникали какие-то посторонние разговоры и шум, то Пустовалов высказывался вполне определенно: «Лекция может состояться при двух участниках – один лектор и один слушатель».

Очень интересно сейчас знакомиться с его записями к лекциям. В маленьких, в две трети каталожной карточки листиках твердой, обычно цветной и низкосортной бумаги, почти картона, аккуратно, очень четким почерком внесены самые разнообразные сведения, здесь же прекрасно выполненные рисунки. По этим карточкам отчетливо видно – курс не оставался постоянным. И курс, который мы слушали, отличался от сохранившегося на кафедре конспекта.

Совершенно иначе строил Леонид Васильевич лекции по дисциплине «Петрография осадочных пород». Это был настоящий систематический учебный курс. Это совершенно естественно, так как заслуги Пустовалова в становлении науки об осадочных породах бесспорны. Его известный упоминавшийся выше учебник был первым, где давались не только описания осадочных горных пород, но и впервые обосновывался взгляд на осадочные породы как закономерные минеральные ассоциации, формулировались важнейшие закономерности пространственного и геохронологического их распределения, т. е. то, что составляет теоретическую, а не описательную часть литологии, ее научную базу.

Прощание с Василием Павловичем Флоренским

Заседание кафедры литологии, посвященное 90-летию со дня рождения В.П.Флоренского. 2001 г.

Индивидуальность, «авторство» курса заключалось, главным образом, в том, что подробно, с использованием новейших данных излагались те проблемы, над которыми работал сам Леонид Васильевич. Весьма подробно он рассматривал первые стадии литогенеза – образование осадочного материала, его транспортировку, осаждение и, естественно, процессы осадочной дифференциации. В те годы

(середина 50-х) он вплотную занимался вторичными изменениями осадочных пород. Одновременно эти проблемы подробно излагал в лекциях. При этом диапазон вопросов (как мы сказали бы сейчас, уровней исследования) был весьма широк – от изменения отдельных минералов до кардинальных проблем энергетики вторичных процессов и возможной трансформации лучистой солнечной энергии в тепловую в недрах Земли через аккумуляцию ее при образовании глин в корях выветривания и обратного выделения в глубинных недрах земной коры, которое ведет к плавлению вещества и образованию жидкой расплавленной магмы.

Аспекты науки, которыми он непосредственно не занимался или занимался мало, излагались кратко и конспективно (диагенезу в лекциях отводилось весьма ограниченное время).

Сейчас, через сорок с лишним лет, практически все принципиальные положения Пустовалова подтверждаются, дополняются новыми данными, детализируются – становится яснее глубина заложенных в них идей*.

После смерти создателя «Петрографа», руководителем кружка стал Владимир Сергеевич Князев. Ещё во время эвакуации, в Соцгороде, под Уфой, он стал одним из любимых преподавателей факультета, во время лекций которого аудитория была полна. Он всегда принимал участие в руководстве студентами «Петрографа». В 1979 г., когда ему исполнилось 60, поздравление было написано одним из лучших перьев кружка, которым владела Ирина Дмитренко. Приводим гимн любимому учителю полностью.

О человеке говорят дела его.

Наверное, каждому из нас приходится задавать себе вопрос: «Что сделано мною полезного для людей?». И ответы бывают далеко не одинаковыми. Нередко, подводя итог, многие остаются недовольны собой. Потому что в такие минуты наиболее пристрасно оцениваешь свои поступки, слова; вспоминаешь людей, окружающих тебя, их дела...

У хорошего человека и дел хороших много.

Летом этого года кафедра петрографии и геохимии осадочных пород отметила

*Кузнецов В. Г. Л. В. Пустовалов-педагог (к 95-летию со дня рождения) // Бюлл. МОИП, отд. геол. 1999. Т. 74, вып. №3.

Владимир Сергеевич Князев.
1980

шестидесятилетие профессора Владимира Сергеевича Князева. Трудно перечислить все то, что было сделано Владимиром Сергеевичем за долгие годы его работы в области геологии. Он – один из старейших преподавателей нашего института. Окончил с отличием в 1943 году геологоразведочный факультет тогда еще Московского нефтяного института, В. С. Князев работал начальником отряда конторы «Нефтегазосъемка». В 1945 г. начал работать в нашем институте в качестве ассистента кафедры петрографии осадочных пород. В 1953 г. защитил кандидатскую диссертацию, в 1969 – докторскую, в 1971 был утвержден в звании профессора. С 1974 г. В. С. Князев заведует кафедрой петрографии и геохимии осадочных пород. Им опубликовано более 80 научных и учебно-методических работ, учебных пособий и монографий, подготовлены десятки литологов –

специалистов, работающих в Советском Союзе и за рубежом.

В. С. Князева уважают и любят все, кто общался с ним хотя бы несколько минут, пусть даже на экзамене. А мы гордимся тем, что Владимир Сергеевич – наш преподаватель, наш учитель.

Минералогия – наука очень интересная. А когда ее преподает человек, беззаветно преданный этой науке, она становится захватывающе интересной. Ведь у каждого камня свое лицо, своя история, своя судьба. Камни – они как люди. И, может быть, слушая историю камней, наблюдая их красоту, мы учимся понимать и людей.

Когда Владимир Сергеевич читает лекцию, не надо журнала посещаемости. Лекции почти никто не пропускает, они захватывают, часы занятий проходят незаметно. Не существует «камчаток» и галерок, идет борьба за первые аудиторные столы. И, как в детстве на своем первом в жизни уроке мы слушали, открыв рот, свою первую учительницу, так же внимательно мы слушаем и Владимира Сергеевича. В его руках камни оживают. Кварц, гранаты, опал, сера, яшмы – все они перестают быть холодными камнями, становятся чудесными минералами, частью живой природы.

Проходит время, и вот уже не Владимир Сергеевич нам, а мы ему должны рассказывать то, что мы знаем о минералах. На экзамене, который принимает В. С. Князев, стыдно отвечать плохо, стыдно отвечать даже не очень хорошо. Наверное, поэтому так редки двойки на этом экзамене.

Не только за любовь к науке о минералах благодарны мы Владимиру Сергеевичу. Благодарны ему и за наш «Петрограф». Когда-то его воспитанником был и Владимир Сергеевич. Традиции у кружка старые и крепкие. В этом немалая заслуга его бывших членов, в том числе и В. С. Князева. Он не забывает кружка «Петрограф», всегда интересно рассказывает о геологии, об истории кафедры, о главных научных направлениях, над которыми трудится кафедра.

Владимир Сергеевич – хороший руководитель. Под его руководством легко и интересно работать над дипломом, готовить доклады на конференции СНО.

О хорошем человеке можно сказать много хорошего. Но еще больше об этом

говорят его дела. И если выпускников факультета, нынешних пятикурсников или любых других студентов геофака попросить: «Назови своих самых любимых преподавателей», – то без сомнения многие среди них назовут и Владимира Сергеевича Князева.

Спасибо ему!

(И. Пирогова (ТН-76-2) Понедельник, 31 декабря 1979 г., №39 (887))

П. Флоренский и В. Работнов. Карелия. 1955

Основы работы кружка, заложенные В. П. Флоренским, не были утрачены. Их продолжили студенты 1954 г. поступления. В 1955 и 1956 гг. Володя Работнов организовал туристические поездки в Карелию. Осенью 1956 г. староста кружка Ю. М. Малиновский при поддержке декана профессора М. М. Чарыгина добился оплаты экскурсии на Кольский полуостров; научную программу экскурсии разработал В. Работнов. Подчеркну – студенты самостоятельно разработали маршрут, добились денежных средств, выбрали участников. Руководить экскурсией уговорили аспиранта кафедры Андрея Ивановича Летавина – участника войны, добрейшего человека, с которым многие кружковцы сотрудничали долгие годы. Геологические экскурсии во время зимних каникул кафедра проводила непрерывно около тридцати лет, сохранив традицию, заложенную В. П. Флоренским и В. Т. Работновым. Руководили поездками преподаватели, сотрудники или аспиранты кафедры: Д. В. Белоусов, А. Гурьянов, Е. Г. Журавлев, Д. Б. Искандеров, И. Б. Кононова, В. Г. Кузнецов, А. В. Постников, Н. М. Скобелева и я, автор очерка. При этом роль студентов в организации экскурсий всегда была велика.

Первая поездка «Петрографа» в никелевый рудник Мончегорска. Слева направо: Л. Антоненко, Ю. Малиновский, О. Сопруненко, А. Лейн, И. Блесковский, Т. Соколова, Н. Дмитриенко. Кольский полуостров. Январь 1957 года

Традиционными районами экскурсий стали Кольский полуостров (докембрийские метаморфические и щелочные интрузивные формации), Закавказье (нефтяные и скарновые месторождения, четвертичный вулканизм), Западная Украина (третичные осадочные формации и месторождения нефти, озокерита, серы и соли), Урал (месторождения магматических и метаморфических

полезных ископаемых). Теперь названия многих мест, куда ездили «петрографы», звучат как места кровопролитных межнациональных конфликтов: Ош в Фергане, Дашкесан в Карабахе, Осетия, Новоафонская пещера Абхазии. Вспомним и о Грозном, где возвышаются руины братского нам нефтяного института*.

Впечатления от экскурсий выливались в дневниковые записи, стихи, песни и заметки в стенгазету или институтскую многотиражку «За кадры нефтяников» (ЗКН). До 1969 г. ее редактором был воспитанник кружка – Сергей Борисович Вагин, после него – замечательная журналистка М. Сланская, а я был членом редколлегии. Сформировалась традиция регулярно печатать подробные материалы о кружке, написанные студентами. Поэтому мы составили брошюру из фрагментов публикаций в «ЗКН» так, что о кружке говорят сами студенты в тот период, когда они были его участниками. С освещения этих поездок начиналась газетная летопись кружка: осенью – Подмоскovie, на зимние каникулы – дальние странствия, весной – научная студенческая конференция.

После смерти отца в 1956 г. я остался старшим в семье. Так было с 26-летним дедом и отцом, которому в 1933 году было 22 года. Многие стремились нам помочь. Я описывал шлифы для различных организаций (потом было интересно встречать эти описания в научных отчетах). А с 1-го апреля получил работу на кафедре у Андрея Ивановича Литавина. Весной следующего года, после окончания 3-го курса, Леонид Васильевич Пустовалов взял меня в Советско-китайскую амурскую (Хейлудзянскую) экспедицию Совета по изучению производительных сил (СОБС) АН СССР. Три полевых сезона я проработал в Северном Китае на абсолютно "белом" в геологическом отношении пятне под руководством замечательного геолога Василия

*См.: Флоренский П. В. Начало пути в науке. М.: Нефть и газ, 2000

Константиновича Чайковского. Он был одним из первых выпускников Московской Горной академии, учился в одной группе с будущим писателем Александром Фадеевым. Три полевых сезона – верхом в тайге. Проводниками у нас были эвенки и ороконы, люди, близкие по образу жизни к тазам, откуда происходил арсеньевский Дерсу Узала.

1957 – 1965

В 1958 г. институт изменил название и стал Московским институтом нефтехимической и газовой промышленности (МИНХиГП) им. И. М. Губкина. Это было необходимо в связи с возросшей ролью химии и повышением значения газа в балансе добываемого сырья. Другая причина – тенденция первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева приблизить вузы к производству. В газетах снова появились фото институтской учебной вышки. Уже были изгнаны из Москвы Институт цветных металлов и золота (в Красноярск) и Пушно-меховой институт (в Киров и Иркутск), а химия и газ звучали в решениях пленумов. Но наш институт остался на месте. Зато с особой заботой создавались в разных городах филиалы и вечерние факультеты, часть которых позже превратилась в самостоятельные институты. Факультеты в Салавате и в Альметьевске получили новые здания, а лаборатории – хорошее оснащение. Аналогичная работа проведена на Красноводском и Омском вечерних факультетах (для второго в 1961 г. началось строительство комплекса зданий).

В 1957 г. был запущен первый искусственный спутник Земли, космическая эра пришла и в геологию. В кружке «Петрограф» начались занятия по связи геологических процессов с космическими в русле направления, называвшегося тогда астрогеологическим. Для меня тема открылась, когда студентом попал на заседание петрографического научного кружка в ИГЕМе, созданного моим дядей Евгением Константиновичем Устиевым. Доклад делал бывший главный геолог Дальстроя, генерал НКВД («необученный», как было написано в его военном билете, чем он любил хвастать) Валентин Александрович Цареградский, ученик и соратник Юрия Александровича Билибина, первооткрывателя колымского золота. Он спас от гибели в колымских лагерях десятки геологов, в том числе Ю. М. Шейнмана и Е. К. Устиева. (Много позже я и сам выступал на заседаниях кружка, подружился с Цареградским, бывал со своей женой у него в гостях и сильно «перебирал» его домашних вин.) Доклад был о критических параллелях: Земля меняет скорость вращения как волчок, и в разной степени – в зависимости от скорости вращения – сплющивается; на полюсах и экваторе возникают вертикальные движения, а на широте 35° – горизонтальные, т. е. это – Средиземноморский пояс Евразии. Это вызывало гнев оппонентов: во-первых, объяснение слишком простое, во-вторых, конструкция допускала горизонтальные движения, которые были тогда «запрещены»...

У меня доклад вызвал восхищение и заставил думать о геологии в объеме всего земного шара. Наступило время Космоса.

Взяв за основу реконструкции положения полюсов Н. М. Страхова, я обрисовал

Олег Супруненко. На обороте написано «Дорогому Павлу на память о совместных походах, подготовках к экзаменам и вообще. 6 мая 1959 г. 8/VI 1959 г. вылетел» (на Камчатку)

палеокритические параллели для разных эпох и представил доклад на IV астрогеологическую конференцию. Доклад приняли, тезисы опубликовали. Так я оказался в сфере мыслей и усилий Бориса Леонидовича Личкова и его сотрудников Г. К. Каттерфельда, Воронова, Драгунова, Ходака, Стоваса и др. Глубокое впечатление произвела на меня книга Б. Л. Личкова «Природные воды Земли и литосфера». Помню, как на ее обсуждении Б. Л. Личков, говоря о планетарном подходе, упомянул о «плоской, клопиной точке зрения на Землю», которая сформировалась у геологов-региональщики (а таковыми были почти все). Я также участвовал в V и VI астрогеологических конференциях.

Представление о чередовании планетарных трансгрессий и регрессий, о перестройке структуры Земли, связанной с галактическим годом, захватило меня. Вместе с Ю. М. Малиновским начали работы в этом направлении. Он заметил, что регрессии происходили одновременно с похолоданием. Мы от-

крыли для себя теорию оледенения серба Милановича. Стали строить графики, схемы... К сожалению, сотрудничать не смогли. Юра Малиновский сделал действительное открытие – создание синфазной стратиграфии, но так как до сих пор не смог (по разным причинам) связать его со своим именем, построенная им целостная теория растаскивается и теряет связь с автором. Докторскую диссертацию на эту тему ему умудрились «завалить», защитился он лишь со второго раза.

Я упоминал, что прикоснуться к идеям о критических параллелях мне помог мой дядя Е. К. Устиев, а о Б. Л. Личкове и А. Л. Чижевском я узнал от другого своего дяди – Кирилла Павловича Флоренского. Александр Леонидович Чижевский был тогда еще жив... Я увлекся его периодами солнечной активности и исторического процесса – готовили таблицы, обзоры материалов. Все это было, как и горизонтальные движения, на грани разрешенного. К вдове Чижевского Нине Вадимовне меня привел Иван Сытин уже в году 1967-м. Мы ходили к ней вместе с

Учебная буровая вышка во дворе МНИ им. И. М. Губкина. Фотография многократно публиковалась в газетах с требованием убрать Нефтяной институт из Москвы ближе к нефтяным районам

женой. Я стал непременным участником Чижевских чтений (их постоянный организатор Л. В. Голованов), много писал, думал и, полагаю, тоже сделал небольшое открытие – доказал на большом фактическом материале, собранном вместе с астрономом из Запорожья Черновым, что события на Луне и Земле синхронны, с известной, вычисленной мною долей вероятности. На международном астрономическом симпозиуме в Киеве в 1968 г. я сболтнул об этом Н. А. Козыреву, весьма популярному в околонаучной среде астроному. Через месяц о его (!) открытии написала «Правда». Мои статьи были заблокированы. Лев Николаевич Гумилев (сын А. А. Ахматовой и Н. С. Гумилева) утешал меня: «Да я с ним на соседних нарах на Енисее был. Он и тогда был такой. А Вам надо не болтать».

Мы – трое однокурсников – В. Г. Кузнецов, Ю. М. Малиновский и я регулярно посещали заседания Московского общества испытателей природы (МОИП) и Астрономо-геодезического общества. Потом и сами стали делать на них доклады. А об одном из наших «подвигов» рассказал А. Г. Гангнус в книге «Тайна земных катастроф». Приведу главу из этой книги полностью.

СЕМЬ РАЗ ПРОВЕРЬ...

Занялось теплое голубое гармское сентябрьское утро, и в кабинет просунулось красное, с выгоревшими бровями под вязаной шапочкой с помпончиком лицо. А затем и торс на длинных журавлиных ногах.

Валерий Кучай звал на облет Алайской долины, где недавно случилось (к счастью, в безлюдных местах) сильнейшее ($M = 7,2$) землетрясение. Об этом полете, о землетрясении и обо всех волнениях, связанных с ним, я уже рассказывал. Здесь же важно то, что когда через 15 минут мы вынеслись на грузовике прямо на летное поле, первым, кого я увидел, был Павел Васильевич Флоренский, преподаватель Нефтяного института, давний знакомый, который был одним из участников знаменитого научного розыгрыша...

Дело было лет восемь назад. Мобилизм еще был «сомнительной гипотезой», но уже мелькали в редакциях и научных семинарах люди, поднявшие знамя этого учения не столько во имя истины, сколько для того, чтобы заранее прочно привязать свои имена (иной раз без всякого на то основания) к перспективному направлению.

Здание МНИ, а с 25 июля 1958 года – МИНХ и ГП им. И. М. Губкина. Б. Калужская, 6

Одним из них был некто N, который во что бы то ни стало решил стать родоначальником теории расширения Земли (неплохо разработанной задолго до него рядом наших и зарубежных ученых). Впрочем, может быть, я отчасти и несправедлив к N, какая-то польза от его деятельности и была, но она, эта польза, тонула в его анекдотической нескритичности ко всему, что могло быть на пользу его точке зрения.

На одном семинаре к нему как бы невзначай подошел человек, задал пару вопросов, терпеливо выслушал многословные изъяснения и уже отходя, как бы между прочим, бросил:

– Да, кстати, читали сегодня в «Комсомолке» заметку? Явно на вашу мельницу воду льет. В Австралии нашли стрекозу, как бы разорванную напополам. Она была там чем-то интересна и фигурировала в иллюстрациях к известным палеонтологическим работам. Один палеонтолог на юго-востоке Индии, представьте, тоже нашел половинку стрекозы. Совершенно случайно сопоставил, оказалось – две половинки одной. Представляете: континенты разошлись точно по этой несчастной стрекозе, захороненной уже, конечно, к этому времени в осадках.

N очень обрадовался. Он любил такие простые, доходчивые и неопровержимые доказательства. Не исключено, что он все же хотел найти где-нибудь номер «Комсомолки». Но акция была подготовлена мастерски. Еще двое людей, независимо друг от друга, как о совершенно общеизвестном и само собой разумеющемся, упомянули о «феномене стрекозы», и N не стал проверять. Как раз ему дали слово, он вышел на трибуну и с видом мудрого, всезнающего змия, со сдержанной насмешкой над

ретроgrадами, выпалил величайшую новость. Услышав странный шум, он протер очки. На стульях никого не было – все давились от хохота под ними.

Предупредив этой новеллой о том, что мы отлично отдавали себе отчет и в опасностях, поджидающих энтузиастов нового, и в негативных сторонах всякого ниспровержения и новаторства, я приступлю к рассказу о том, как мы проверяли (для себя) правоту и неправоту двух школ, противостоящих друг другу в истолковании тектоники Памира. Да и не только Памира»*.

Добавлю, что жертвой розыгрыша был добрейший Владимир Борисович Нейман, много лет будораживший неординарными идеями геологическую общественность Москвы. Теперь, когда его нет, я понимаю, что его все очень любили.

* Гангнус А. Г. Тайна земных катастроф. М.: Мысль, 1977, 2-е издание, 1988